

Отшельник / рассказ

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Отшельник / рассказ ОТШЕЛЬНИК

Вместе с моими друзьями я отправился взглянуть на старого отшельника, который поселился на древнем могильном холме, поросшем большими деревьями посреди широкой равнины между Каннами и Напулем.

Возвращаясь, мы говорили об этих странных мирских пустынных, ранее столь многочисленных, но почти вымерших в наши дни. Мы искали, мы пытались определить, какие моральные причины, какого рода несчастья побуждали людей в былые времена спасаться в одиночестве.

Один из моих спутников сказал вдруг:

– Я знал двух отшельников, мужчину и женщину. Женщина, должно быть, еще жива. Она жила лет пять тому назад среди развалин, на вершине совершенно необитаемой горы, на побережье Корсики, в пятнадцати или двадцати километрах от всякого жилья. Она жила там со своей служанкой; я посетил ее. В прошлом это была несомненно изящная светская женщина. Она приняла меня вежливо и даже приветливо, но я ничего о ней не знаю и ни о чем не мог догадаться.

Что же касается мужчины, то я вам расскажу, какой с ним произошел ужасный случай.

Обернитесь назад. Видите вон там, за Напулем, острую, поросшую лесом гору, которая выступает перед вершинами Эстереля? Здесь ее зовут Змеиной горой. На ней-то, в маленьком античном храме, и спасался мой отшельник лет двенадцать тому назад.

Прослышав о нем, я решил с ним познакомиться и вот в одно прекрасное мартовское утро отправился туда из Канн верхом. Оставив лошадь на постоялом дворе в Напуле, я начал взбираться пешком на этот странный конус, вышиной, вероятно, в полтора или двести метров, поросший ароматическими растениями, по преимуществу ладанником, крепкий и резкий запах которого дурманит и вызывает недомогание. По каменистому склону то и

дело скользят длинные ужи, исчезающие в траве. Отсюда вполне заслуженное название Змеиной горы. Бывают дни, когда змеи как бы рождаются у вас под ногами при подъеме по склону, залитому солнцем. Их так много, что боишься ступить и испытываешь какое-то странное беспокойство, – не страх, потому что ужи безвредны, но что-то вроде мистического ужаса. У меня много раз появлялось удивительное ощущение, будто я поднимаюсь на священную гору древности, на необычайный холм, благоуханный и таинственный, поросший ладанником, населенный змеями и увенчанный храмом.

Этот храм существует и поныне. То есть меня уверили, что это храм. А я и не пытался узнать больше, чтобы не испортить себе впечатления.

Итак, в одно мартовское утро я взобрался на эту гору полюбоваться видом. Дойдя до вершины, я действительно увидел стены храма и человека, сидевшего на камне. Ему было никак не более сорока пяти лет, хотя волосы у него уже совсем поседели; но борода была еще почти черная. Он гладил кошку, свернувшуюся у него на коленях, и, казалось, не обратил на меня никакого внимания. Я обошел вокруг развалин, часть которых, перекрытая ветками, соломой, травой и отгороженная камнями, служила этому человеку жильем, и снова вернулся к тому месту, где он сидел.

Оттуда открывался изумительный вид. Справа причудливые остроконечные вершины Эстереля, за ними безбрежное море, простирающееся до далеких, изрезанных бухтами берегов Италии, и прямо против Канн – острова Лерин, зеленые, плоские, как бы плывущие по морю; на последнем из них, со стороны моря, высокий старинный замок, с зубчатыми башнями, поднимается прямо из воды.

А над зеленым берегом, над длинными четками белых вилл, над белыми городами, выстроенными среди деревьев и похожими издали на бесчисленные яйца, снесенные на берегу, встают Альпы, с вершинами, покрытыми снежными шапками.

Я прошептал:

– Боже, какая красота!

Человек поднял голову и сказал:

– Да, но когда видишь это зрелище изо дня в день, оно

надоедает.

Так, значит, он разговаривал, этот отшельник, он мог беседовать и скучал. Тогда он в моих руках.

В этот день я пробыл с ним недолго и попытался только определить характер его мизантропии. Он произвел на меня прежде всего впечатление человека, уставшего от людей, пресыщенного всем, безнадежно разочарованного и полного отвращения к себе и к окружающему.

Я расстался с ним после получасовой беседы. Неделю спустя я вернулся опять, потом пришел еще через неделю и, наконец, стал ходить еженедельно, так что не прошло двух месяцев, как мы сделали друзьями.

И вот, как-то вечером, в конце мая, я решил, что нужный момент настал, и, захватив с собой провизию, отправился на Змеиную гору пообедать вместе с отшельником.

Был один из тех благоуханных вечеров юга, страны, где цветы разводят, как на севере – рожь, где изготавливают почти все душистые эссенции для женских тел и женских платьев: один из тех вечеров, когда ароматы бесчисленных апельсиновых деревьев в каждом саду, в каждом уголке долины волнуют и навевают истому, пробуждая даже в стариках мечты о любви.

Мой пустынный, видимо, обрадовался мне и охотно согласился разделить со мной обед.

Я уговорил его выпить немного вина, от которого он успел отвыкнуть; он оживился и начал рассказывать мне о своем прошлом. Он постоянно жил в Париже и, насколько я мог понять, вел веселую жизнь.

Неожиданно я спросил его:

– Почему, собственно, вам вздумалось взобраться на эту гору?

Он тотчас же ответил:

– Я пережил самое сильное потрясение, какое только может испытать человек. Но к чему скрывать от вас мое несчастье? Может быть, оно пробудет в вас жалость ко мне. И потом... я никогда еще никому об этом не рассказывал... никогда... и хотел бы знать... в конце концов... что подумают другие... как они на это посмотрят...

Я родился в Париже, получил образование в Париже, вырос и

прожил всю жизнь в этом городе. Родители оставили мне ренту в несколько тысяч франков, а по протекции я получил спокойную и скромную должность, так что для холостяка был довольно богатым человеком.

С самых ранних лет я вел холостяцкую жизнь. Вы понимаете, что это значит. Свободный, без семьи, твердо решив не обзаводиться супругой, я проводил три месяца с одной женщиной, полгода с другой, а иногда жил по году без любовницы, выбирая себе случайных подруг среди множества доступных или продажных женщин.

Это банальное и, если хотите, пошлое существование вполне подходило мне, так как удовлетворяло мою природную склонность к переменам и к праздности. Я проводил жизнь на бульварах, в театрах и в кафе, всегда на людях, почти как бездомный, хотя имел хорошую квартиру. Я был один из множества тех людей, которые плывут по течению, как пробка по воде, для которых стены Парижа – это стены мира и которые не заботятся ни о чем, потому что ничего не любят. Я был, что называется, славный малый, без достоинств и без недостатков. Вот и все. Я даю себе вполне точную оценку.

Так протекала моя жизнь с двадцати до сорока лет, медленно и стремительно, без особых событий. Как быстро пролетают они, эти однообразные годы парижской жизни, не оставляя в памяти никаких воспоминаний, отмечающих даты, эти долгие и быстротечные, банальные и веселые годы, когда пьешь, ешь, смеешься, сам не зная почему, когда тянешься губами ко всему, что можно отведать или поцеловать, – и ничего, в сущности, не желаешь! Уж молодость прошла, уже старишься, так и не сделав ничего, что делают другие, не приобретя никаких привязанностей, никаких корней, никаких связей, почти без друзей, и нет у тебя ни родных, ни жены, ни детей!

Итак, я безмятежно достиг сорокалетнего возраста и, чтобы отпраздновать день своего рождения, угостил сам себя хорошим обедом в большом кафе. Я был одинок, и мне показалось забавным отпраздновать этот день в одиночестве.

После обеда я начал раздумывать, что делать дальше. Сперва мне захотелось пойти в театр, но потом я решил совершить

паломничество в Латинский квартал, где когда-то изучал право. И вот я отправился туда через весь Париж и случайно зашел в пивную, где прислуживали девушки.

Та, которая подавала за моим столиком, была еще совсем молоденькая, хорошенькая и веселая. Я предложил ей выпить со мной, и она тотчас же согласилась. Она уселась напротив меня и, желая узнать, с каким типом мужчины имеет дело, окинула меня опытным взглядом. Это была совсем светлая блондинка, свежее, ослепительно свежее создание; под натянутой материей корсажа угадывалось розовое, упругое тело. Я наговорил ей множество пустых любезностей, какие обычно говорят подобным женщинам, но так как она действительно была очаровательна, мне пришла вдруг мысль увести ее с собой... опять-таки, чтобы отпраздновать мое сорокалетие. Уговорить ее удалось быстро и без труда. Она была свободна... вот уже две недели, по ее словам... и для начала согласилась поужинать со мной, после окончания работы, в кабачке возле Крытого рынка.

Боясь, что она меня обманет, – ведь не угадаешь, что может случиться, кто может зайти в пивную или что взбредет в голову женщине, – я просидел в этой пивной весь вечер, поджидая ее.

Я тоже был свободен уже месяц или два и, глядя, как переходила от столика к столику эта прелестная дебютантка на поприще Любви, подумывал, не заключить ли мне с нею контракт на некоторое время. Я ведь вам рассказываю сейчас одно из самых пошлых и обыденных приключений парижанина.

Извините за эти грубые подробности. Те, кому не довелось испытать поэтическую любовь, выбирают женщину, как котлету в мясной, не заботясь ни о чем, кроме качества товара.

Итак, мы отправились к ней, потому что собственная постель для меня священна. Это была комнатка работницы, на пятом этаже, чистенькая и бедная; я приятно провел здесь два часа. Она оказалась на редкость милой и привлекательной, эта девочка!

Перед уходом я условился о следующем свидании с девушкой, еще лежавшей в постели, подошел к камину, чтобы оставить на нем традиционный подарок, и окинул беглым взглядом часы под стеклянным колпаком, две вазы с цветами и две фотографии, одна из которых, очень старая, представляла собою отпечаток на

стекле – так называемый дагерротип. Случайно нагнувшись над ней, я замер от удивления, я был настолько поражен, что ничего не мог понять... Это был мой собственный портрет, первый из моих портретов... снятый давным-давно, когда я, еще студентом, жил в Латинском квартале.

Я порывисто схватил карточку, чтобы разглядеть ее поближе. Да, сомнений быть не могло... Я чуть не расхохотался, до того все это показалось мне неожиданным и забавным.

Я спросил:

– Что это за господин?

Она ответила:

– Это мой отец; я никогда его не видела. Мама оставила мне карточку и сказала, чтобы я ее берегла, что она мне когда-нибудь еще может пригодиться.

Она помолчала, потом засмеялась и продолжала:

– По правде сказать, я не знаю, на что она может пригодиться. Не думаю, чтобы отец объявился и признал меня.

Сердце мое билось с бешеной скоростью; так мчится лошадь, закусившая удила. Я положил портрет обратно на камин и, плохо понимая, что делаю, накрыл его сверху двумя бумажками по сто франков, оказавшимися у меня в кармане, и убежал, крикнув ей:

– До свидания... до скорого свидания... дорогая.

И слышал, как она ответила:

– До вторника.

Я очутился на темной лестнице и ощупью спустился по ней.

Выйдя из подъезда, я заметил, что идет дождь, и быстро свернул в первую попавшуюся улицу.

Я шел, куда глаза глядят, ошеломленный, потрясенный, роясь в своих воспоминаниях. Возможно ли это? Да! Я вспомнил вдруг об одной девушке, которая приблизительно через месяц после нашего разрыва написала мне, что она беременна от меня. Я разорвал или сжег ее письмо и забыл о нем. Надо было взглянуть на женский портрет, стоявший у девочки на камине. Впрочем, мне вряд ли удалось бы ее узнать. Это, кажется, был портрет старой женщины.

Я дошел до набережной. Увидел скамейку и сел. Дождь не прекращался. Изредка мимо проходили люди под зонтами. Жизнь

представилась мне во всей своей низости и подлости, полная позора и горя, сознательной и бессознательной гнусности. Моя дочь!.. Быть может, я в самом деле только что обладал собственной дочерью!.. Париж, огромный Париж, мрачный, угрюмый, грязный, печальный, черный, за запертыми дверями своих домов был полон подобных ужасов, прелюбодеяний, кровосмесительства, растления детей. Я вспомнил рассказы об омерзительных развратниках, которые бродят под мостами.

Не ведая того, не желая, я поступил хуже этих негодяев. Я спал с собственной дочерью!

Я чуть не бросился в реку. Я обезумел! Я бродил по улицам до утра, потом вернулся домой, чтобы все обдумать.

Далее я поступил так, как мне казалось всего благоразумнее: поручил нотариусу вызвать девушку и расспросить ее, при каких обстоятельствах мать передала ей портрет того, кого считала ее отцом; я сказал нотариусу, что действую от имени друга.

Нотариус исполнил мое поручение. Женщина открыла дочери, кто ее отец, лишь на смертном ложе и в присутствии священника, имя которого мне указали.

Тогда от имени того же неизвестного друга я перевел на девушку половину моего состояния, около ста сорока тысяч, с тем чтобы она могла пользоваться только рентой, потом подал в отставку и очутился тут.

Скитаясь вдоль побережья, я набрел на этот холм и остался здесь... Надолго ли?.. Не знаю!

Что вы думаете обо мне... и о том, что я сделал?

Я протянул ему руку и ответил:

– Вы поступили так, как надо. Большинство людей не придавало бы такого значения этой ужасной роковой случайности.

Он ответил:

– Это так, но я-то, я чуть не сошел с ума. Оказалось, что у меня очень чувствительная душа, о чем я никогда не подозревал. А теперь я боюсь Парижа, как, должно быть, верующие боятся ада. Меня это оглушило, оглушило, как будто мне на голову свалилась черепица. В последнее время я чувствую себя несколько лучше.

Я расстался с моим отшельником. Рассказ его сильно взволновал

меня.

Мы виделись еще два раза, потом я уехал, так как никогда не остаюсь на юге позже мая.

Когда я вернулся на следующий год, его уже не было на Змеиной горе, и больше я никогда о нем не слышал.

Вот вам история моего отшельника.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 26 января 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод Е. Александровой НекауаӀар